

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. И. Н. Коржова
г. Орск, Россия

ОТРАЖЕНИЕ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОЛЕ В ПОЭЗИИ 1941–1945 ГГ.

Аннотация: В статье рассматривается воплощение народного представления о доле в военной поэзии 1941–1945 гг. События истории актуализируют понимание доли как данного извне трагического сценария жизни. Определен круг поэтов, в творчестве которых образ доли был наиболее востребован. Это А. Сурков, М. Исаковский, А. Твардовский и К. Симонов. В их лирике воссозданы все традиционные представления о способах воплощения судьбы. Она реализуется в образах антропоморфного существа, дороги, письменного предназначения, звезды, чаши. Наибольшее разнообразие воплощений судьбы выявлено в творчестве Суркова. Трансформируя народные представления о доле — живом существе в духе советской неомифологии, поэты изображают судьбу в образе коллектива. Мотивы борьбы с судьбой отодвинуты на периферию, преобладает концепция стоического принятия доли. Установлено, что наиболее древний пласт представлений реконструируют Твардовский и Симонов. В их поэзии раскрыто исконное понимание доли как части от некоего общего целого. Под влиянием этого представления разрабатывается метафора перераспределения доли солдат после смерти одного из них. Сделан вывод, что в советской военной поэзии происходит изменение представлений о доле: трагизм личного удела сглаживается оптимистическим образом коллективной судьбы, идея внешней предопределенности соединяется с требованием персональной активности.

Ключевые слова: военная поэзия, доля, судьба, народные представления, Сурков, Симонов, Исаковский, Твардовский.

Информация об авторе: Инесса Николаевна Коржова — кандидат филологических наук, Орский колледж искусств, ул. Советская, д. 65, 462422 г. Орск, Россия. E-mail: clean24@yandex.ru

Дата поступления статьи: 06.06.2017

Дата публикации: 15.03.2018

Годы Великой Отечественной войны — это годы сплочения уникального интернационального братства народов Советского Союза. И вместе с тем еще с 1930-х гг. стремление отрешиться от национальной культуры как принадлежности старого мира уступает место вниманию к народным корням. Тем более естественно появление таких тенденций в годы войны, когда единство человека с родной землей проверяется силой оружия и крови.

В лирике русскоязычных поэтов военной поры актуализируются славянские представления о доле и судьбе как предопределенном жизненном пути. Сами представ-

ления необязательно репрезентованы с помощью ядерной лексемы — слов «доля» или «судьба». Литературоведческое исследование, в отличие от лингвистического, опирается не на слово, а на художественный образ, т. е. представления могут раскрываться в сюжете, логике построения образов, особенно метафорических. Специфика их отражения и составит предмет исследования. Его материалом стала лирика военных лет, в единичных случаях рамки незначительно расширились. Уже в ходе предварительной работы было установлено, что актуализация представления не является тотальной закономерностью. Нами были рассмотрены тексты А. А. Прокофьева, Н. С. Тихонова, И. Л. Сельвинского, В. М. Инбер, А. А. Суркова, М. В. Исаковского, А. Т. Твардовского и К. М. Симонова, и лишь в стихотворениях четырех последних выявлены отражения древних представлений о доле.

Доля — «в народном мирозерцании одна из важнейших бытийных категорий и ценностей; индивидуальная или совокупная судьба, жизненное предопределение, назначенная участь, удел, жребий, реализованные как удача (удачливость), счастье, благополучие, “талая” или, напротив, невезение, обделенность, бесталанность» [14, т. 2, с. 113]. В военной поэзии наряду с нейтральным словом «судьба» появляются и синонимичные слова «доля», «удел», «участь», в гораздо большей степени овеянные духом народной культуры. М. Исаковский прямо эксплицирует народный источник представления:

Зимою крестьянка меня родила.
И, как это в песне поется народной,
Ни счастья, ни доли мне дать не могла.
(М. Исаковский. Дума о Ленине)
[9, с. 164]

Во многих стихотворениях лексическая репрезентация представления появляется лишь однократно, но точно передает взгляд на мир и место человека в нем:

И ты со своею судьбою
Осталась один на один.
(М. Исаковский. Русской женщине)
[9, с. 100]

Я долю свою по-солдатски приемлю...
(А. Твардовский. Пускай до последнего часа расплаты...)
[16, с. 305]

Ничего не поделать! Такая судьба
Привалила для нашего брата.
(А. Сурков. Трупы черные в канавах...)
[15, с. 305]

Мы свою судьбу сквозняковую
Ни на что менять не согласны.
(А. Сурков. Ровеснику)
[15, с. 442]

Очевидно, что здесь слова семантической группы «доля» указывают на драматичные жизненные сценарии, всегда данные извне. Доля становится ощутима только после прихода испытаний. Часто это самостоятельная сущность, отличная от индивидуальности человека, поэтому возможно говорить об активности героя перед лицом судьбы. И она присутствует, но проявляется в стоическом принятии своей участи.

В некоторых стихотворениях военная судьба образует жесткий контраст с доверенными мечтами о счастье:

С юности мечтали мы о мире,
О спокойном часе тишины.
А судьба подбросила четыре
Долгих, изнурительных войны.
(А. Сурков. Трассой пулеметной и ракетой...)
[15, с. 312]

Не по той ли по улице
С нами шла, горделивая,
Наша вольная волюшка,
Наша доля счастливая.
(М. Исаковский. Песня о фашистской неволе)
[9, с. 20]

Песню поет он, довольный судьбой <...>
Горькое горе, жестокий удел! —
Только скворечник один уцелел <...>
Парень уходит — судьба решена, —
Дума одна и дорога одна.
(М. Исаковский. Крутится, вертится шар голубой...)
[9, с. 43–45]

«Песня о фашистской неволе» Исаковского — единственное упоминание о счастливой доле, но в контексте сюжета это воззрение оказывается миражом. В «Крутится, вертится...» поэт строит внутренний сюжет стихотворения на переосмыслении героем своей судьбы. Переход от упоения к сетованиям не завершает текст, герой не смиряется с жестоким уделом и, как былинный богатырь, сам выбирает дорогу-судьбу. Хотя очевидно, что этот шаг однократный: последующий путь будет детерминирован его решением. Возродившееся представление о доле, как мы видим, связано с оппозицией двух временных планов. Возможно, именно слом намеченных в первое двадцатилетие советской власти четкой личной и исторической перспективы и вызвал необходимость в этом представлении.

Интересно, что и старый, и новый сценарии надперсональны и даются поколению в целом. Отчетливое понимание и лаконичное именование этой общей судьбы возникает у А. Суркова: «Под кровлю братства нас свела // Солдатская судьба» [15, с. 229], «С пленок привыкает человек // К своей грядущей участи солдата» [15, с. 314], «Наша юность — солдатская доля» [15, с. 322], «Их война побратала суровой солдатской судьбой» [15, с. 380], «И, судьбы солдатской не кляня...» [15, с. 422]. «Солдатская судьба» — это «типовой», коллективный набор событий.

Война всколыхнула не просто забытые понятия, за словом потянулась нить народных представлений о воплощении доли. Несмотря на то что нами рассматриваются произведения лишь четырех авторов, отраженные ими образы доли покрывают и перекрывают сведения большинства специальных изданий.

Начнем рассмотрение с наиболее традиционного представления доли как антропоморфного существа. Согласно поверьям, изложенным в дореволюционном исследовании П. В. Иванова, «не у всякого человека Доля живет вместе с ним от самого рождения: большинство людей должно искать свою Долю. Доля, по понятию крестьян, есть некий дух, который может принимать на себя образ то человека, то какого-нибудь животного» [8, с. 349]. И благополучие человеку может обеспечить встреча с собственной долей. Следует отметить, что с антропоморфным представлением о судьбе связана наибольшая активность героев. Очевидно, именно очеловечивание доли позволяет выстраивать сюжет взаимодействия героя с ней как с равноправным персонажем.

В стихотворениях М. Исаковского судьба дважды предстает в очеловеченном облике:

Я вырос в захолустной стороне,
Где мужики невесело шутили,
Что ехало к ним счастье на коне,
Да богачи его перехватили.
(Я вырос в захолустной стороне)
[9, с. 7]

Пред ней бойцы столпились полукругом:
— Куда идешь, куда шагаешь, мать?
— Куда ж идти, — ответила старуха, —
Иду — бреду судьбу свою искать.
(Оттуда)
[9, с. 41]

Исповедально-автобиографическое «Я вырос в захолустной стороне...» написано за несколько месяцев до войны. Здесь горькая доля еще отнесена в досоветское прошлое и противопоставлена «высокому небу наших дней» [9, с. 7], под которым, очевидно, доля была найдена, о чем говорит перифраза «все, что нынче держим мы в руках» [9, с. 7]. Стихотворение «Оттуда» — отражение обыденно-героической судьбы военного времени. Но и оно знает просветленный финал: старушка попадает в отряд партизан, которые обещают сыскать ее долю, но исходя из контекста и первоначального названия, «Семья», сами становятся ее воплощением. Оба текста сходным образом переосмысливают представление: встреча с судьбой, изменение жизни в лучшую сторону связываются с коллективом (отметим переход к местоимению множественного числа «мы» в стихотворении «Я вырос в захолустной стороне...») или даже воплощаются в нем, что не отменяет антропоморфных представлений о судьбе, но трансформирует их.

В стихотворении А. Суркова «Разведчик Пашков» доля является в облике старухи. Герой произведения, выживший при расстреле и заживо погребенный солдат, пытаясь выбраться, «стал пытаться судьбу-каргу» [15, с. 219]. Событийный контекст позволяет говорить, что судьба здесь сближается со смертью. Возможность такого ото-

ждествления в народном сознании указана А. А. Потебней [11, с. 496–504]. Важно, что здесь идея принятия и смирения, демонстрируемая воинами перед лицом судьбы, уступает место борьбе. Вероятно, срабатывает память жанра, и советские поэты обращаются к литературной традиции прения живота со смертью. Вспомним воспроизведение этого сюжета в главе «Смерть и воин» поэмы Твардовского «Василий Теркин».

«Баллада о товарище» А. Твардовского опирается на еще одно антропоморфное воплощение судьбы — судьба как суженный. А. А. Потебня предполагает, что «среѣа, как и судьба, получает значение суженого, суженой, мужа и жены» [11, с. 482]. Эта гипотеза подтверждается П. В. Ивановым: «Брак — дело судьбы. Оттуда понятие о суженом, о суженой. Отсюда же, вероятно, ведет свое начало и представление о том, что Доля женщины является в виде мужчины, а Доля мужчины имеет образ женщины...» [8, с. 358]. У Твардовского о женщине, уговаривающей солдата остаться, говорится:

— Хотела долю на войне
Молодка ухватить.

Хотела в собственной избе
Ее к рукам прибрать,
Обмыть, одеть и при себе
Держать — не потерять...
[16, с. 310–311]

Погоня молодки за собственной долей встречает участливое понимание и все же противопоставляется поведению солдата, отказывающегося от личного счастья ради долга. Однако, раскрывая альтернативный выбор солдата, Твардовский не использует сухую абстракцию — женщине противопоставлены живые люди: «Ведь нас не женщина ждала // Ждал фронт своих бойцов» [16, с. 311]. Так еще раз отчетливо проступают контуры новой мифологемы: доля не утрачивает черт человека, но воплощается в коллективе.

В следующей группе стихотворений использованы метафоры предопределенности жизни, коррелирующие с народными представлениями о предметном воплощении доли.

В стихотворениях А. Суркова и М. Исаковского возникает образ доли-чаши, судьба уподоблена горькому питью. Подобный вариант не описан в известных нам исследованиях о воплощении доли, однако имеет явную параллель как с книжным выражением «испить (горькую) чашу», так и с поговоркой «хлебнуть горя». С. В. Кабакова, с одной стороны, возводит источник книжного выражения к языческим культам: «Центральным моментом подобных церемоний было жертвоприношение, вероятно, сопровождавшееся совместной трапезой, во время которой её участники ели мясо жертвенного животного (обычно агнца или козла) и пили вино, с древнейших времён символизирующее плодородие и отождествляемое с кровью человека (или жертвенного животного)» [4, с. 309], с другой — видит источник выражения в книге Исход и Евангелии. Однако такое толкование до конца не объясняет смысловой близости с народным выражением. Между тем лингвисты говорят об универсальности представления концепта «горе, беда, несчастье», репрезентантом которого является и слово «недоля», в образе жидкости. Так, Л. В. Мальцева пишет: «Общеэмоциональная метафора чувства — жидкого вещества распространяется и на “горестные события”. <...> “Текущее”

горе можно пить, изливать» [10, с. 20]. Интуиция поэтов совпадает с интуицией ученых:

Хлебнули люди горя через край,
Такого горя, что не сыщешь слова.
(М. Исаковский. Партизанка)
[9, с. 54]

Полынной горечи черпнув без меры...
(А. Сурков. Заповедь мстителя)
[15, с. 277]

Зачерпнули мы злого горя,
Сколько сердце вместить могло.
(А. Сурков. Мост. Подъем. И с крутого взгорья...)
[15, с. 361]

Во всех текстах актуализируется идея меры, превышенной или, напротив, жестко установленной. Но предел не задан извне, а подчеркнуто субъективен, определен границами человеческого сердца — источником активности оказываются солдаты, сами избирающие свою долю и являющиеся индивидуальным ограничителем меры. Пафос стихотворения заключается именно в утверждении этой преодолевающей, терпеливой активности. В последней строфе появляется знаменательная уже по характеру языкового оформления фраза: «Будет нами прожит и выжит // Этот третий, жестокий год» [15, с. 361]. Использование грамматически излишнего дополнения с субъектным значением создает особую напряженность от несовпадения логического и грамматического субъекта. Здесь возникает идея равновеликости судьбы и человека, мужественно принимающего ее вызов.

В лирике Суркова, вообще наиболее активно обращавшегося к исследуемому представлению, выявлено еще несколько способов репрезентации доли — письменное предначертание, дорога, печать, звезда. Согласно словарю «Славянские древности», «путь служит синонимом судьбы» [14, т. 4, с. 357]. В стихотворении «Предчувствие весны» Сурков размышляет: «Видно, уж нам дорога такая — // Жить на земле от войны к войне» [15, с. 266]. Замечательны здесь народные интонации, которые позволяют толковать слово «дорога» не как авторскую метафору, а как непосредственно взятое из народной среды и перенесенное в текст архаическое представление. В другом стихотворении, осмысляя свою жизнь, пролегшую через четыре войны, поэт делится следующим предположением: «Видно, выписал писарь мне дальний билет, // Отправляя впервой на войну» [15, с. 315]. Знаменательно, что обе фразы начинаются с констатирующего вводного слова. Судьба обнаруживается, и герой изначально демонстрирует готовность принять происходящее без ропота. В выразительной реалистической подробности, где писарь выступает то ли тайным воплощением судьбы, то ли ее слепым проводником, соединяется представление о судьбе как дороге с определенными остановками-испытаниями и мысль о письменной фиксации судьбы. Мысль эта, по мнению А. Н. Веселовского, у славян имеет периферийный и заимствованный характер: «Литературным, без сомнения, представляется образ *книги судьбы* уже встречавшийся нам» [5, с. 240]. Идея начертанности или проложенности судьбы у Суркова обретает вещную проработан-

ность в авторских метафорах: «Путь наш начертан полетом свинца» [15, с. 251], «Пусть шаток судьбы беспокойный настил» [15, с. 437]. Следующий образ в силу непроясненности отсылает одновременно к нескольким представлениям: «На нашу долю выпал трудный век. // Железом выжжены рождений наших даты» [15, с. 314]. Не ясен объект фиксации: выжжены ли даты на теле или на чем-либо ином. Первую версию поддерживает оборот «печать на лице/челе» и практика клеймения людей. И здесь мы должны вспомнить о попытках предков предугадать судьбу по отметинам на человеческом теле. И. А. Седакова отмечает, что родимое пятно «в народных представлениях и фольклоре нередко выступает как знак судьбы» [14, т. 4, с. 445]. У большинства славян телесный знак указывает на злую сущность человека (например, в выражении «Бог шельму метит»), но у Суркова зло сокрыто не в человеке, а в судьбе.

Судьба нередко ставилась в зависимость от звезд: появление яркой звезды могло указывать на социальные потрясения, а каждый человек имел на небе свое светило. А. А. Веселовский, говоря об общеевропейском характере этой идеи, отмечает ее наличие и у восточных славян: «У бѣлорусовъ сохраняется преданіе, что всякій челоувѣкъ имѣеть свою зирку, являющуюся на свѣтъ вмѣстѣ съ челоувѣкомъ» [5, с. 239]. Угасание такой звезды становилось знаком смерти. Написанное в День Победы стихотворение А. Суркова «Дорогая моя! Неизменный мой друг!» заканчивается словами: «Звезды нашей судьбы над громадой Кремля // Нынче снова зажглись в синеве» [15, с. 460]. В этой фразе тесно переплетены старые верования и советская неомифология. Кремлевские звезды зажигаются вновь, символизируя воскрешение народа для новой жизни. И хотя они светят каждому, герой видит в них свою личную судьбу. Стихотворение адресовано жене писателя, поэтому «мы» в данном тексте не экстраполируется на народ. Возникает идея общей судьбы, которая не стирает индивидуальность и может быть воспринята персонально.

В довоенном стихотворении А. Суркова «Дорога» (1937–1939) дается еще один взгляд на судьбу: доля героя замкнута на ключ. Это представление широко известно благодаря «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова и изучено как раз в этой связи. В комментарии О. Б. Алексеевой к поэме читаем: «В основе легенды о ключах лежит мотив “Плача о писаре” И. А. Федосовой. Во введении к “Причитаниям Северного края” (с. XVI–XVII) Е. В. Барсов дал краткий пересказ части этого плача. <...> “Не успели отпереть дверей дубовых, как С подземелья злое горе разом бросилось, Черным вороном в чисто поле слетело...”» [1, с. 667]. Очевидно, Некрасов значительно переосмыслил фольклорный текст, где на ключ было заперто горе, а не счастье. Сурков ориентируется на уже измененную, литературную традицию:

Где они были, ключи нашей доли,
В омуте, что ли, глубококом?
(Дорога)
[15, с. 154]

В данном тексте, хотя и написанном в относительно благополучные годы, не выражена тенденция к оптимистичному переосмыслению представления о доле. Судьба так и не оказывает милостей герою и его ровесникам.

Наконец, в еще одном произведении, «Скворцы прилетели», А. Сурков, опираясь на народные представления, создает собственный вариант воплощения доли. Она обретает пространственную определенность в скворечнике-доме:

Мы снова появимся в местности здешней
И дружно под теплым весенним дождем
Посадим дубы и под новый скворечник
Венцы человечьей судьбы подведем.
[15, с. 269]

Эта авторская метафора основана на древнем сакрализованном отношении к жилищу. Скворечник становится синонимом дома, ибо технологически создается так же: под него необходимо подвести новые венцы, т. е. поднять стены с целью починки. Согласно А. К. Байбуруну, «дом придал миру пространственный смысл, укрепив тем самым свой статус наиболее организованной его части» [2, с. 10], «возведение стен может быть рассмотрено в ряду космических актов творения» [2, с. 79]. В данном случае мы имеем вариант идеи преодоления судьбы, построения нового космоса. Уверенный выбор будущего времени и подразумеваемая в метафоре способность свободно управлять своей жизнью представляют человека распорядителем судьбы. Важно, что дом становится символом некоей общей доли, для которой индивидуальные судьбы послужат своего рода материалом.

Приведенные примеры свидетельствуют о почти исчерпывающем воплощении бытовавших в народе воззрений на судьбу. Судьба предстает в образах антропоморфного существа, пути, звезды, доли, чаши, строения, может иметь письменное начертание или быть запертой на ключ. Объясняя актуализацию представления в военное время, мы, вероятно, можем экстраполировать на данный период объяснение исследователей: «Представления о судьбе актуализируются и вербализируются в случае “ненормального” разворачивания жизненного сценария» [14, т. 5, с. 203]. Но важно отметить практическое отсутствие нот обреченности при разговоре о доле: судьба становится не приговором, а неизбежным испытанием, которое следует пройти. Попытки спора с судьбой остаются на периферии военной поэзии и представлены в ситуации борьбы со смертью или выбора судьбы-пути. Во многих текстах отмечена связь личной доли с коллективной, что и позволяет преодолеть детерминизм личной доли.

Но доля изначально и не мыслилась как что-то сугубо индивидуальное. Об этом говорит этимология слова, восходящего к глаголу «делить». На соотносительность индивидуального удела с общей судьбой указывают все пишущие о доле, наиболее четко эта мысль оформлена О. А. Седаковой: «Доля, удел в славянской картине мира могут быть верно поняты, если сознавать, что ‘предопределенность’, заключенная в их смысле, действует не только “по вертикали”, но и “по горизонтали”: доля — ‘часть некоего целого, доставшаяся отдельному человеку и находящаяся во взаимозависимой связи с другими частями, долями» [12, с. 56]. Фразы «укрепи мы, // Радость и горе по-братски деля» (А. Сурков. Весна на фронте) [15, с. 373], «друзья, все разделявшие в судьбе» (К. Симонов. Когда на выжженном плато...) [13, с. 192] вполне отражают такое воззрение. В произведениях Суркова важна идея разделения-сопереживания некоторых общих эмоций, особенно предугадываемого послевоенного счастья, которое не будет узко индивидуальным: «Оттого и неделимо счастье // Добытое смелыми в бою» [15, с. 458]. Важно, что через этот духовный обмен происходит братание: «Их война побратала суровой солдатской судьбой» [15, с. 380]. В посвященном Симонову стихотворении «Луна висит над опаленным садом...» идея единения задает цепочку метафор, выстраивающихся в сюжет об общей судьбе-пути: «Своей дорогой шел сквозь годы каждый // Мечтая счастье общее найти, // Но буря к нам нагрязнула однажды, // Слила

в одну дорогу все пути», «Мы побратались возрастом в бою», «В высоком званье старого солдата // Сольются наши жизни навсегда» [15, с. 319]. Хотя здесь разделяются отвлеченные состояния, эти строки отсылают нас к славянским обрядам, важной частью которых был вещественный обмен.

Подчас идея разделения действительно принимает материально конкретные формы, глагол «делить» избавляется от переносного значения, становясь обозначением семиотически нагруженного действия. Особенно актуально описание такого обряда для К. Симонова, воспевшего солдатское братство: «Чтоб ты со мной делила хлеб, // Делила горести до слез» [13, с. 192], «Неправда, друг не умирает, // Лишь рядом быть перестает. // Он кров с тобой не разделяет, // Из фляги из твоей не пьет» [13, с. 130], «И раненый слезу стирает // И режет пополам свой хлеб» [13, с. 145], «Разломим хлеб на три куска, // Поделится между собою» [13, с. 145], «Хлеб пополам, кров пополам — // Так жизнь в ту ночь открылась нам» [13, с. 153], «И если кто-нибудь из нас // Рубашку другу не отдаст, // Хлеб не поделит пополам, // Солжет, или изменит нам...» [13, с. 153]. Таким образом, разделение хлеба, реже спиртного напитка, является у поэта знаком разделения судьбы. Важно присутствие в большинстве таких текстов хлеба как сакрального объекта, ведь «важнейшей функцией хлеба является социализирующая и социально-регулятивная, выражающаяся в делении и совместном поедании Х., в актах угощения хлебом (например, при кумлении, побратимстве, в сербском обряде “слава”» [14, т. 4, с. 418]. Хотя у восточных славян преломление хлеба присутствует лишь в свадебном обряде, Симонов расширяет прагматику обряда, опираясь на народную сакрализацию хлеба.

Наиболее важными нам представляются тексты, в которых возрожден древний мирообраз в целом. А. Ф. Журавлев считает его основой принцип компенсаторности: «В архаической метафизике мир предстает в виде равновесной гомеостатической системы, устойчивость которой обеспечена постоянно реализующимся принципом компенсаторности: если в одном месте убыло, то в другом столько же прибудет» [6, с. 82]. В условиях войны, с ее каждодневными потерями, все сокращающими круг бойцов, возникает необходимость постоянного перераспределения участи. Такие идеи отразились в широко известном «Я убит подо Ржевом» А. Твардовского. Каждая строчка обращения погибшего служит завещанием своего непережитого и недожитого живым. Но есть и метафоры, указывающие на пространственную определенность этого дара:

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.
[16, с. 555]

Заметим, что вопрос о доле покойника решался в народе неоднозначно. С одной стороны, доля умершего переходила живым: «Поминальную трапезу можно рассматривать как распределение доли покойного между живыми. <...> Распределение доли между живыми происходит и на годовых поминках. В Минской губ. перед днем поминовения печется “зздоровный хлеб”. Этот хлеб разрезается на части по числу семейств в деревне и разносится по домам накануне праздничного дня» [3, с. 118]. С другой стороны, «многие элементы погребального обряда осмысляются как деление живого с мертвым, выделение ему его доли» [12, с. 43]. С последним представлением

связан обычай класть в гроб необходимые покойному вещи. Подобный обряд фигурирует у К. Симонова в стихотворении «Фляга», в нем лирический герой, хороня друга, в последний раз делит с ним содержимое фляги и передает флягу с долей покойного земле.

Идея перераспределения доли после смерти солдат многократно повторяется в стихотворении К. Симонова «Смерть друга». После гибели товарища его духовный опыт переходит к другу:

Но все, что между вами было,
Все, что за вами следом шло,
С его останками в могилу
Улечься вместе не смогло.

Упрямство, гнев его, терпенье —
Ты все себе в наследство взял,
Двойного слуха ты и зренья
Пожизненным владельцем стал.

[13, с. 130]

Благодаря прилагательному «двойной» идея передела воплощается с математической точностью. Перераспределение происходит многократно, со смертью товарищей в удел герою достается все более обширный и тяжелый опыт: «Все тяжелее груз наследства, // Все уже круг твоих друзей» [13, с. 130]. Благодаря вещным метафорам судьба оплотняется, предстает как тяжелая ноша:

Когда же ты нести не сможешь,
То знай, что, голову сложив,
Его всего лишь переложишь
На плечи тех, кто будет жив.

[13, с. 130]

По негласному допущению, в тексте К. Симонова передел происходит после каждой гибели. Но в стихотворении А. Твардовского «В тот день, когда окончилась война» воплощено присущее народным представлениям несовпадение фактической смерти и смерти ритуальной. О. А. Седакова описывает вариант представления смерти как «пути, промежуточной зоны, промежуточного состояния умершего», «представления о продолжительной промежуточной стадии “не-вполне смерти”» [12, с. 65]. Датой окончательной смерти погибших для Твардовского становится Победа, до которой убитые сами несут свою долю. Стихотворение не только воспроизводит идею разделения, но и лексически наиболее точно указывает на нее. Про победные залпы говорится:

И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.

[16, с. 561]

Как и Симонов, Твардовский говорит о наследии духовном. Интересно, что поэт почти дословно повторяет мысль Симонова из процитированного выше стихотворения «Смерть друга» о передаче сензитивных способностей: «Смогли б ли мы, оставив их вдали, // Прожить без них в своем отдельном счастье, // Глазами их не видеть их земли // И слухом их не слышать мир отчасти?» [16, с. 562]. Но у Твардовского последний раздел не знаменует окончательного расставания: «Не избыть нам связи обоюдной. // Не мертвых власть, а власть того родства, // Что даже смерти стало неподсудно» [16, с. 562]. Это возможно потому, что произведен более тотальный передел, чем предполагается в народных верованиях: опыт живых людей, их доля, были поделены и на покойных: «В безгласный край, в глухой покой земли, // Откуда нет пришедших из разведки, // Вы часть меня с собою унесли» [16, с. 563]. Неравновесность долей выживших и погибших была болевой точкой многих послевоенных стихотворений Твардовского, идея включения в передел всех частей, очевидно, хоть в некоей мере восстанавливала справедливость.

Проведенный анализ позволяет говорить, что представления о доле помогают Суркову, Исаковскому, Твардовскому и Симонову оформить сложившийся в годы войны мирообраз. Эти годы, с одной стороны, показали уязвимость частного бытия, с другой — потребовали от личности активности и стойкости. Демонстрируя глубокую укорененность в народной культуре и широкий диапазон вариантов воплощения доли (особенно это касается Суркова), поэты в то же время переосмысливают представление о судьбе. Т. В. Цивьян, противопоставляя мифологическую модель (ММ) мира современной, описывает изменение отношения к судьбе: «И в этом состоят кардинальное отличие секуляризованного подхода от схемы, диктуемой ММ, где антропоцентричность ни в какой степени не отменяет зависимости человека от власти высших сил и где знание не ощущается как трагедия <...>. Непрочность секуляризованной модели в том, что она обращена только на индивида, на котором все и замыкается. То, что все находится в его руках, что он сам может распорядиться собой и т. п., имеет и обратную сторону: а если не сможет, кто защитит его и спасет от одиночества, в котором он окажется? Очевидно, что более надежным будет возвращение к *всякому, каждому, любому* человеку, чей жизненный цикл проходит по единой схеме, предопределенной извне» [17, с. 128–129]. Модель мира, созданная в военной поэзии, представляет собой уникальное совмещение описанных систем. Трагизм личной доли преодолевается за счет выдвижения более значимого представления доли коллективной. Твардовский и Симонов воссоздают наиболее глубокие пласты представления о доле как о части общего блага, которая выделяется каждому живому и перераспределяется среди них. Закономерно, что при воссоздании темы доли убитых никак не затрагивается мотив опасности умерших не своей смертью, так называемых заложных покойников [7, с. 432], для живых. Разумеется, эти мотивы не соответствовали отношению поэтов к погибшим солдатам, друзьям и незнакомцам, и не были воплощены в текстах. Следовательно, народные представления являются не стихийно захватившим поэтов явлением, а источником произвольных и выборочных обращений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Алексеева О. Б. Комментарии к поэме «Кому на Руси жить хорошо» // Некрасов Н. А. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 5. С. 614–686.
- 2 Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.

- 3 *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993, 242 с.
- 4 Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006. 784 с.
- 5 *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха XI–XVII. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1889. Вып. 5. 376 с.
- 6 *Журавлев А. Ф.* К реконструкции древнеславянского мировидения (о категориях «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении) // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. С. 71–87.
- 7 *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
- 8 *Иванов П. В.* Народные рассказы о доле // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. К.: Либідь, 1991. С. 342–374.
- 9 *Исаковский М. В.* Соч.: в 2 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 2. 375 с.
- 10 *Мальцева Л. В.* Эмотивно-событийный концепт «горе, беда, несчастье» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 24 с.
- 11 *Потебня А. А.* Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.
- 12 *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004, 320 с.
- 13 *Симонов К. М.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1982. 623 с.
- 14 Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.
- 15 *Сурков А. А.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. 622 с.
- 16 *Твардовский А. Т.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. 895 с.
- 17 *Цивьян Т. В.* Человек и его судьба — приговор в модели мира // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 122–129.

***

© 2018. *Inessa N. Korzhova*
Orsk, Russia

REFLECTION OF THE FOLK CONCEPTIONS OF “LOT” IN THE POETRY OF 1941–1945 YEARS

Abstract: The article studies the reflection of the folk conceptions of lot in military poetry of 1941–1945. The history events actualize the understanding of lot as a tragic life script given from the outside. The paper defines the circle of poets that addressed the image of lot continuously. They include Surkov, Isakovsky, Tvardovsky and Simonov who depicted all the traditional ideas about destiny's embodiment. The latter is realized through the images of an anthropomorphic creature, road, written predestination, star, bowl. The greatest variety of incarnations of fate is revealed in the work of Surkov. These poets interpret destiny as a collective transforming folk conceptions of lot as a living being in the spirit of Soviet neomythology. The motives of the struggle against

destiny are represented poorly while the idea of stoic submission to fate prevails. The paper determines that Tvardovsky and Simonov reconstructed the most ancient layer of ideas. Their poetry reveals primary understanding of lot as part of an integral whole. Basing on this perspective the metaphor of soldier's lot redistribution is created after the death of one of them. The author identifies a change in the perceptions of lot in Soviet military poetry: tragedy of personal life is smoothed out by optimistic image of a collective destiny, while the idea of external predestination associates with the demand of personal activity.

Keywords: military poetry, lot, destiny, folk conceptions, Surkov, Simonov, Isakovsky, Tvardovsky.

Information about the author: Inessa N. Korzhova — PhD in Philology, Orsk College of Arts, Sovetskaya St., 65, 462422 Orsk, Russia. E-mail: clean24@yandex.ru

Received: June 06, 2017

Date of publication: March 15, 2018

REFERENCES

- 1 Alekseeva O. B. Kommentarii k poeme “Komu na Rusi zhit' khorosho” [Commentaries on the poem “Who is happy in Russia?”]. Nekrasov N. A. *Sobr. soch.: v 15 t.* [Collected works: in 15 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, vol. 5, pp. 614–686. (In Russian)
- 2 Baiburin A. K. *Zhilishche v obriadakh i predstavleniakh vostochnykh slavian* [Dwelling-house in the rituals and beliefs of the eastern Slavs]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 188 p. (In Russian)
- 3 Baiburin A. K. *Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov* [A ritual in the traditional culture. Structural and semantic analysis of the East Slavic rituals]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 242 p. (In Russian)
- 4 *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii* [The great phraseological dictionary of Russian language. Meaning. Usage. Culturological annotation], executive edited by V. N. Teliia. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2006. Vol. 5. 784 p. (In Russian)
- 5 Veselovskii A. N. *Razyskaniia v oblasti russkago dukhovnago stikha XI–XVII. Vypusk piatyi* [Research in the field of Russian spiritual verse XI–XVII. Fifth issue]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1889. 376 p. (In Russian)
- 6 Zhuravlev A. F. K rekonstruktsii drevneslavianskogo mirovideniia (o kategoriiakh “doli” i “mery” v ikh iazykovom i kul'turnom vyrazhenii) [Towards reconstruction of the ancient Slavic world view (on categories “lot” and “limit” in their linguistic and cultural expression)]. *Problemy slavianskogo iazykoznaniiia. Tri doklada k XII Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov* [Problems of Slavic linguistics. Three papers to the XII International congress of slavists]. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 1998, pp. 71–87. (In Russian)
- 7 Zelenin D. K. *Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'iu i rusalki* [Essays on Russian mythology: those who died unnatural death and mermaids]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 432 p. (In Russian)
- 8 Ivanov P. V. Narodnye rasskazy o dole [National stories about lot]. *Ukraïntsi: narodni viruvannia, povir'ia, demonologiia* [Ukrainian folk beliefs, superstitions, demonology]. Kiev, Libid' Publ., 1991, pp. 342–374. (In Russian)

- 9 Isakovskii M. V. *Sochineniia: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, GIKhL Publ., 1956. Vol. 2. 375 p. (In Russian)
- 10 Mal'tseva L. V. *Emotivno-sobytiinyi kontsept "gore, beda, neschast'e" v russkoi iazykovoii kartine mira* [Emotive and eventive concept of "misery, trouble, misfortune" in the Russian language picture of the world]. Abstract of dissertation candidate of Philology. Novosibirsk, 2009. 24 p. (In Russian)
- 11 Potebnia A. A. *Slovo i mif* [Words and myths]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 624 p. (In Russian)
- 12 Sedakova O. A. *Poetika obriada. Pogrebal'naia obriadnost' vostochnykh i iuzhnykh slavian* [Poetics of rite: The funeral rites of Eastern and Southern Slavs]. Moscow, IndrikPubl., 2004. 320 p. (In Russian)
- 13 Simonov K. M. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poetries and poem]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1982. 623 p. (In Russian)
- 14 *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquity. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.], general edited by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995–2012. (In Russian)
- 15 Surkov A. A. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1978. Vol. 1. 622 p. (In Russian)
- 16 Tvardovskii A. T. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poetries and poem]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 895 p. (In Russian)
- 17 Tsiv'ian T. V. *Chelovek i ego sud'ba — prigovor v modeli mira* [Man and his destiny — the sentence in the model world]. *Poniatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of destiny in the context of different cultures]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 122–129. (In Russian)